

Патриарх Никон

и его противники в деле исправления церковных обрядов.

Каптерев Н.Ф., 1911 г.

Глава I. Характер отношений к киевлянам и киевской литературе при патриархе Иосифе

На соборе 1620 года патриарх Филарет Никитич говорил: "егда бых в польском и литовском государстве, многая в них виде несогласия церковная, в самех тех христианах, яже суть белорусцы в них нарицаются, и нарицаются убо христиане, а правила святых апостол и святых отец седми вселенских и девяти поместных соборов и инех святых отец предания мнози в них не соблюдают; и во едином убо долгу у них у отца с детьми, и у мужа с женою, и у господина с рабы веры три или четыре: и ов держит в них веру христианскую, ин же папешскую, и ин люторскую, и ин же кальвинскую, и ин же новокрещенскую, ин же сасскую, и ин армянскую. И вкупе убо на единой трапезе ядят, и пьют и браком совокупаются, а инии вкупе и молитву творят. Мнози же из них и за папу изверженнаго Бога молят во святей литургии в приношении, и во ектениях и литиях; инии же терпят беды и напасти правды ради наша христианская веры и непреклонни пребывают в папино учение". Ввиду такого положения дел патриарх предлагает собору решить, как следует относиться к тем белорусам, которые пожелают перейти на житье в Московское государство и сделаться здесь истинными христианами. Собор под руководством патриарха решил дело таким образом: всех белорусов, хотя бы и православных, но крещенных чрез обливание, следует крестить вновь в три погружения, и если они не миропомазаны, то миропомазать; белорусов, крещенных униатским священником, перекрещивать вновь; крещенных православно и миропомазанных, кто таким признает себя сам, хотя бы на это и не имелось свидетелей, не крестить вновь и не миропомазывать, а заставлять их поститься неделю, и если они на исповеди подтвердят духовнику прежнее заявление о своем православии, то считать их с архиерейского разрешения такими же православными, как и москвичи; тех, которые крещены были чрез обливание и причащались в костелах или хотя бы и не причащались, не только крестить вновь в три погружения, но и заставлять проклинать латинскую ересь, имен же их не переменять, не говорить и младенческого отрицания; тех же, которые были в иной вере и крещены потом униатским русским священником, не только крестить вновь, но они должны еще при крещении произносить отрицания и латинское, и еретическое, и младенческое*.

* Деяния собора 1620 г. напечатаны в Потребниках мирском и иноческом 1639 года при патриархе Иоасафе.

Соборные постановления 1620 года о белорусах, вызванные главным образом Филаретом Никитичем, строго приводились в исполнение во все время его патриаршества. Когда в 1630 году прибыл в Москву для вечного житья в ней бывший униатский архиепископ Афиноген, то в Москве его окрестили вновь, несмотря на его архиепископский сан. Что же касается белорусов православных, крещенных в три погружения, то их, согласно соборному постановлению, во все время патриаршества Филарета отдавали в Москве под начало в какой-либо монастырь, прежде чем окончательно принять их в среду православных.

Так, в апреле 1626 года в Москву для вечного житья прибыло девять старцев из Лубенского Мгарского монастыря. Старцы были приняты в Москве, но "по указу великаго государя, святейшаго патриарха те старцы даны с государева патриаршаго двора *для исправления веры под начало по монастырем*". Так же поступают в том же году с двумя старцами Межигорского монастыря и с другими старцами в 1630, 1631, 1632 годах. Что собственно значило быть под началом и в чем заключалось подначальство, видно из следующего факта: в 1632 году в Москву въехали на государево имя два инока из Литвы и один инок грек. Старцам киевлянам патриарх велел поместиться на подворье подле Богоявленского монастыря "и приходити им к церкви, - говорит патриарший наказ, - в Богоявленский монастырь, *а в церковь их не пущать, а пеня слушать в трапезе, или в паперти, а святыни им никакие не давать и крестом воздвизательным не благословлять и ко образом не прикладыватися*; а буде из них который изнеможет и о том извъстит и доложит государя патриарха, а жить на подворьи до сырныя недели, а на сырной неделе, в последний день в неделю, притить на патриархов двор под начало". Любопытно при этом, что относительно старца грека, явившегося на житье в Москву вместе с старцами из Литвы и тоже отданного под начало, инструкция дается патриархом значительно иная. Именно, старцу греку, как и литовским выходцам, велено было жить также на подворье у Богоявленского монастыря, "а в церковь его, - говорит наказ, - пущать и от попа воздвизательным крестом на молебнах благословлятися и ко образом прикладыватися, а на сырной недели в последний день в неделю, после обеда, быть на патриаршем дворе". Очевидно, что отношения патриарха Филарета к православным южнорусам были более подозрительны и суровы, чем к православным грекам.

Не только сами выходцы из южной России, но и книги литовской печати встречали в Москве при Филарете Никитиче большое недоверие и даже, наконец, открытое преследование со стороны московского правительства. В 1626 году прибыл в Москву известный южнорусский протопоп Лаврентий Зизаний. Он привез с собой книгу Катихизис, которую и просил напечатать в Москве. Патриарх назначил богоявленскому игумену Илье и книжному справщику Григорию Онисимову рассмотреть и исправить привезенную Лаврентием книгу, которая потом и была напечатана в Москве. Но эта книга, так называемый Большой Катихизис (в отличие от Малого, напечатанного в Москве в 1649 году), не имела выходного листа, а это показывает, что Филарет Никитич, несмотря на все московские исправления, все-таки смотрел на книгу южнорусского сочинителя очень подозрительно и потому не решился пустить ее в обращение в Московской Руси*. Другой

случай окончательно вооружил Филарета Никитича против всех вообще южнорусских книг, как печатных, так и рукописных. В 1627 году прибыл в Москву известный Кирилл Транквиллион Ставровецкий и привез с собой свое сочинение "Учительное Евангелие", чтобы напечатать его в Москве. Но игумен переяславского Никитского монастыря Афанасий Китайчич, сам киевлянин, заявил патриарху, что Учительное Евангелие Транквиллиона уже осуждено в Киеве собором архипастырей за содержащиеся в нем многие ереси. По приказанию царя и патриарха разысканием и указанием ересей, заключающихся в Учительном Евангелии Транквиллиона, занялись упомянутый игумен Афанасий, богоявленский игумен Илья и ключарь Успенского собора Иван Наседка. Придирчивая до излишества критика действительно сумела отыскать в книге много ересей, вследствие чего окружной грамотой царя и патриарха приказывалось повсюду сжигать Учительное Евангелие Транквиллиона вместе со всеми другими сочинениями этого автора, хотя их в Москве и не рассматривали. Но на уничтожении только книг Транквиллиона как подозрительных уже не остановились, а перенесли подозрения на все вообще литовские книги, как печатные, так и рукописные. Вместе с приказом повсюду отбирать и жечь книги Транквиллиона давался еще и другой приказ, чтобы "вперед никто никаких книг литовския печати и писменных литовских (книг) не покупали, а кто ныне такая книги литовския печати Кирилова слогу у себя утаит или кто вперед учнет *литовския книги какия-нибудь покупать*, а същется то после мимо их, и тем людям от нас быти в великом градском наказании, а от отца нашего великаго государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всея Руси быти в великом в духовном наказании и в проклятии". В 1628 году состоялся новый указ царя и патриарха - велено было описать и отобрать от всех церквей и монастырей книги церковные литовской печати и заменить их книгами печати московской; точно так же и у частных лиц повелевалось описать и отобрать все печатные и рукописные литовские книги**.

* Прения Лаврентия Зизания с игуменом Илиею и Онисимовым по поводу исправления Катихизиса напечатаны обществом древнерусской письменности. О пребывании Зизания в Москве см.: Русская историческая библиотека.

** Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М" 1822, ч. 3, № 77, с. 298-299. Дворцовые разряды. СПб., 1850, т. 1, стб. 980-981; то же. СПб., 1851, т. 2, стб. 821-822.

Указанные подозрительные и очень суровые отношения к южнорусам и к их книгам, практиковавшиеся при Филарете Никитиче, должны были, по-видимому, окончательно разобщить южную Русь от северной и прекратить всякий доступ влиянию южнорусской учености на Московскую Русь. В действительности, однако, этого не случилось, да и не могло случиться*. С одной стороны, самый ход тогдашних церковных и политических событий в южной Руси невольно заставлял ее искать тесного сближения с Москвой, чтобы найти в ней опору и защиту от религиозных и политических преследований польского

правительства**; с другой стороны, и сама Москва событиями Смутного времени принуждена была во многом изменить свои старинные взгляды и отношения особенно к образованным и сведущим иностранцам, так как и в Москве все более крепло и развивалось убеждение о необходимости иметь у себя людей сведущих и научно образованных, о необходимости завести в самой Москве правильно устроенную школу, руководимую православным научно образованным учителем***.

* Сам Филарет Никитич, приказывавший отбирать от всех церквей, монастырей и от частных лиц книги литовской печати, имел, однако, и держал такие книги в своей патриаршей библиотеке, как это значится в описи патриаршей книгохранительной палатки, произведенной в 1633 году. Здесь между книгами значится: книга *Евангелие толковое*, печать литовская (№ 68); книга *Евангелие толковое, воскресное*, печать литовская (№ 69); книга *Василия Кесарийского*, в десть, печать литовская (№ 74); книга *Евангелие толковое*, печать литовская (№ 127); книга *Евангелие на престольное*, в десть, печать литовская (№ 128). Некоторые из этих книг литовской печати привозились в Москву самими южнорусами. Так, в 1623 году приехал в Путивль служитель Киевской Лавры Андрей Николаев и заявил, что его послал келарь Лавры, старец Захария Экзарх, поднести царю и патриарху "по две книги новой печати Ивана Златоустаго бесвды Апостольский". В 1624 году, 11 сентября, приехал в Путивль из Киево-Печерской лавры протосингел Памво, "книжной печатный мастер", и привез царю и патриарху "по две книги печатный своего мастерства Деяния Апостольския" (Малороссийския дела 1623 года). Иногда же эти книги литовской печати покупались. Так, в упомянутой выше описи патриаршей книгохранительной палатки значится (под № 127): "книга *Евангелие толковое*, печать литовская, а куплена на панском дворе".

** Так, в 1624 году прибыл в Москву луцкий епископ Исаакий, который по поручению киевского митрополита Иова Борецкого бил челом государю, чтобы он принял утесняемую поляками Малороссию под свою высокую руку. И хотя в этом ходатайстве было отказано Исаакию, однако переговаривавшиеся с ним бояре в заключение заявили, что если южнорусам и впредь будет утеснение от поляков, а они против них соединятся и укрепятся, "тогда вы дайте знать царскому величеству и святейшему патриарху, и они будут о том мыслить, как бы православную Веру и церкви Божий и вас всех от еретиков в избавлении видеть" (О посольстве Исаакия и его пребывании в Москве см.: РГАДА, ср. 52, оп. 1, 1624 г. № 10 и РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1622 г. № 1, 1625 г. № 1; оп. 3, № 1 - 5). Таким образом, в Москве если и не выразили желанья немедленно принять Малороссию под высокую руку царя, то все-таки не отказались сделать это на будущее время, ввиду чего сношения Москвы с Киевской Русью естественно, несмотря на все препятствия, становились все более частыми, оживленными и интимными, что, по необходимости, открывало удобный путь для киевских ученых влияний на передовое московское общество. Взаимные интересы, нужды и потребности необходимо вели к тесному сближению Московской и Киевской Руси.

*** Сам Филарет Никитич в последний год своего патриаршества задался мыслью

устроить в Москве школу. В 1632 году в Москве был оставлен протосингел александрийского патриарха Иосиф, ранее живший в южной Руси, с тем, чтобы он переводил книги с греческого языка на славянский и учил "на учительском дворе малых ребят греческого языка и грамоте".

Суровые подозрительные отношения московского правительства к киевлянам и их книгам были вызваны, между прочим, преувеличенными слухами об успехах в Малой России унии, отчасти соблазнительным поведением некоторых южнорусских выходцев в Москве*. Ближайшее ознакомление москвичей с положением южнорусских церковных дел убедило их, что большинство южнорусов по-прежнему не только осталось православным, но что оно ведет там неустанную энергическую борьбу за православие, мужественно и с успехом охраняя его от всевозможных покушений на него со стороны различных иноверцев. Ввиду этого после смерти Филарета Никитича отношения московского правительства к киевлянам решительно изменяются. В 1637 году к нам переселяются иноки Прилуцкого Густынского монастыря и иноки Ладинского Покровского монастыря. Выходцев принимают в Москве и отводят для жительства старцам Дудин нижегородский монастырь, старицам - Алатырский Никольский монастырь. Затем к нам переселяются старцы Лубенского Мгарского монастыря и др.** Характерная особенность этих переселений к нам иноков и инокинь из разных южнорусских монастырей состоит в том, что теперь выходцев южнорусов уже не отдают, как прежде, под начало для исправления их христианской веры. После смерти Филарета Никитича состоявшееся в 1620 году соборное постановление относительно православных белорусов на практике уже более не исполнялось, хотя соборные деяния 1620 г. и внесены были в печатный Потребник 1639 г. Вторая не менее характерная особенность указанных переселений к нам иноков и инокинь южнорусских монастырей состоит в том, что вывезенные выходцами разные церковные и богослужебные книги литовской печати у них уже не отбираются и не заменяются, как при Филарете, книгами московской печати. Очевидно, что киевляне и их книги, недавно еще преследуемые, получили теперь в Москве полное право гражданства, вследствие чего в Москве быстро начинает усиливаться киевское влияние. В 1639 году в Москве печатаются иноческий и мирский Потребники, в конце которых помещен так называемый епитимийный Номоканон. Этот епитимийный Номоканон есть простая перепечатка киевского Номоканона, изданного во второй раз в Киеве в 1624 году. Таким образом, в 1639 году уже находили возможным в московские церковные печатные книги вносить статьи, заимствованные из киевских печатных книг. В 1640 году киевский митрополит Петр Могила предлагал устроить в Москве школу с помощью ученых киевлян, которых он вышлет в Москву. Уже одна возможность со стороны киевского митрополита обращаться с подобным предложением к московскому правительству показывает, что православные киевляне не только не встречали в Москве прежних подозрительных отношений к себе, но что там уже признавали превосходство киевской учености над старой московской книжной односторонней начитанностью и не прочь были учредить в Москве школу с помощью киевских ученых.

* В последнем отношении особенно выдается так называемый у нас архиепископ суздальский Иосиф. Царская грамота, в которой изображается соблазнительное поведение Иосифа, печатается нами в приложении.

** См. об этих переселениях к нам южнорусских иноков и инокинь в: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1862, т. 3, № 2-16, с. 4-26.

Время патриаршества Иосифа было не только временем частых и оживленных сношений с Киевской Русью, но и временем усиленного влияния у нас киевской литературы и ученых киевлян, которые со времен Иосифа прочно и надолго водворяются в северной Руси и оказывают сильное влияние на все ее дальнейшее умственное развитие.

Прежде всего и более заметно сказалось при патриархе Иосифе влияние киевской полемической литературы - из нее берутся целые отделы и почти без всяких изменений вносятся в наши рукописные сборники. Так, например, встречающиеся во множестве наших сборников статьи "об образех, о кресте" и пр., которые представляют из себя простое переложение на современный литературный московский язык южнорусской книжки "о образех, о креств, о хвале Божией, о хвале и о молитве святых и о иных артикулах веры", напечатанной, как полагают, в Вильне в 1602 году*. К числу таких сборников принадлежит, между прочим, и известное "Изложение на лютеры", приписываемое обыкновенно Ивану Наседке**. Автор этого сборника не только берет целый ряд глав из южнорусских сочинений, но и прямо отсылает к ним своих читателей. Так, в одном месте он говорит: "и о том им всем еретикам той же ответ, иже князя Константина Острожского собрание есть"; в другом месте он замечает: "яко мало нечто приложихом к словесем собрания князя Острожского", или, полемизируя против прилога слога "и огнем" в молитве на освящение богоявленской воды, он говорит: "и о сем молю вы возлюблении взыщите усердно и виждьте и о сем в беседе 15 нравоучение в книзе князя Костантина Острожского на латынь, яко Златоуст глаголет"***.

* Эта южнорусская книга целиком вошла во множество наших сборников и, между прочим, в сборник "Изложение на лютеры", приписываемый обыкновенно Ивану Наседке. Книга состоит из 12 глав, которые имеют следующие заглавия: 1) об образех и отказ образоборцом; 2) о том, котораго часу от самих христиан образоборство повстало и которые цари образоборцами были и на котором соборе вселенском за то прокляты; 3) образоборцом на некоторые противные их слова отказ; 4) о креств видимом знамении сына человеческого; 5) о креств: для чего знаменуем лице крестообразно рукою; 6) о хождении со кресты; 7) о хвале и чести святых угодников Божиих; 8) о молитве святых, иже святии и теперь молятся о нас; 9) о посте; 10) о исповеди; 11) о пречистом теле и крови Христовой; 12) о отшедших света сего, иже о них памяти чинити и милостыню давати,

старого и нового закону письмо святое повелевает.

** Филарет черниговский автором сборника "Изложение на лютеры" считает Наседку и относит составление сборника к 1642 г. Г. Соколов в своей книге "Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках" говорит: "какие именно идеи и возражения протестантов произвели теперь новое смущение и опасения, об этом можно судить из изданного протопопом Иоанном Наседкою (в 1642 году) сборника под заглавием: "Изложение известно... на окаянные и злоименные Лютеры". Что сборник "Изложение на лютеры" появился не в 1642 году, а ранее, в этом удостоверяет следующая современная припись, имеющаяся в конце этого сборника, хранящегося в нашей академической (московской духовной) библиотеке: "154 года мая в 6 день списывана сия книга ответы и обличения на различные еретические веры люторские и римские и латынские и иных - в Якутском остроге с книги, которая куплена в Москве в прошлом в 149 (1641) году с Покровки от пречистыя ис Кожевников у пономоря Ивана Иванова". Впрочем, и в самом сборнике есть указания на то, что он написан был ранее 1642 года. См.: А. В. Горский, К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. II, ч. 3, с. 361.

***По рукописи нашей академической библиотеки, № 177, лл. 332, 404.

Не только в наши рукописные сборники вошли целые обширные трактаты из южнорусских сочинений, но и самые выдающиеся печатные книги времени патриарха Иосифа, каковы так называемая Кириллова книга, О вере, Малый Катихизис, столь уважаемые и доселе нашими старообрядцами, не есть в действительности московские произведения, а южнорусские.

Кириллова книга была составлена московским черниговским протопопом Михаилом Роговым*, одним из видных книжных справщиков при патриархе Иосифе. О достоинствах и характере самой книги в послесловии говорится, что государь "повеле сию предобрую книгу *от различных святых отец учиненную* на различные ереси во един куп сокупити и яко корабль многим богатством наполнити и печатным тиснением вообразити, и пусти ю во всю свою русскую землю всякому православному христианину, хотящему ея прочитати, и божественные догматы видети, и та еретическая уста заградити. Воистину подобна сия предобрая книга великому кораблю, обременному великим богатством, понеже обогащена довольно божественным писанием, на злыя еретики щит и заграда, или будет подобна велицей реце, текущей широстью и напаяющей всяко животнo. Такожде и сия книга усладит и напоит всякого читающаго ю, аки сладкою водою, или медвенными соты, еретиком же и раскольником наша православная веры уста заградит".

* Дьякон Федор говорит: "А яже печатная московская Кириллова книга глаголется, и та несть Кириллова, но *собирал* ее черниговский протопоп Михаил Рогов с прочими избранными мужи, по повелению царя и патриарха, на многия ереси латынския и арменския и немецкия и прочия. Начаша они писать от тоя самыя Кирилловы книги,

потому и слывет Кириллова, и тех слов святого Кирилла несть в ней ни единого, но два листа токмо".

Совершенно было бы ошибочно этот восторженный отзыв о великих достоинствах Кирилловой книги ставить в счет ее московскому составителю; его роль в деле сочинения этой книги была самая скромная: она ограничивалась почти исключительно простой дословной выпиской из разных южнорусских книг, так что в действительности Кириллова книга не только не "от различных святых отец учинена", как заявляет послесловие, а представляет из себя только чисто механическую выборку из разных южнорусских авторов. В состав ее вошли произведения известных южнорусских ученых: Стефана Зизания, Захария Копыстенского, священника Василия Острожского, статьи из так называемого Просветителя литовского и пр.*

* Первая очень обширная часть Кирилловой книги, носящая заглавие "Книга иже во святых отца нашего Кирилла архиепископа иерусалимского на осмый век", есть простая перепечатка (конечно, с переложением на тогдашний литературный московский язык) сочинения известного южнорусского ученого и поборника православия Стефана Зизания, которое под заглавием "Казанье св. Кирилла патриарха иерусалимского о антихристе и знаках его" было напечатано в Вильне в 1596 году (см. это сочинение Зизания в: РГБ, Музей книги, № 2028). Затем первая глава Кирилловой книги - "О святей Троице" - взята из книги Захария Копыстенского "О вере единой святой соборной апостольской церкви" или иначе называемой просто Азариевой верой. Она была напечатана в Киеве, как полагают, в 1620 году (Книга о вере Копыстенского или Азариева вера находится в нашей академической библиотеке № 414). Эта же глава могла быть заимствована и из Просветителя литовского, в котором она занимает 14 главу. Вторая глава Кирилловой книги - "О предвечном божественном рождестве Господа нашего Иисуса Христа" - есть простое переложение второй главы Азариевой веры или Просветителя литовского (гл. 15). Третья глава - "От писаний пророческих о истинном Божестве и человечестве Христове" - переложение третьей главы Азариевой веры или Просветителя литовского (гл. 16). Главы - четвертая - "О пророцех, иже пророчествоваше о Божестве и Христове рождестве и о иных будущих" - и пятая "О еллинских мудрецах иже отчасти пророчествоваху о превышнем Божестве и о рождестве Христове от пречистые Богородицы" - не имеются ни в Азариевой вере, ни в Просветителе литовском, а встречаются в рукописных московских сборниках (см., напр.: Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке московского купца И. Н. Царского/ Изд. П. Строева. М., 1836, № 135, с. 208 - 213). Глава шестая - "От писаний апостольских и их учеников и наследников св. отец о истинном Божестве и человечестве Господа нашего Иисуса Христа" - переложение четвертой главы Азариевой веры или Просветителя литовского (гл. 17). Глава седьмая - "О Божестве Св. Духа" - переложение пятой главы Азариевой веры или Просветителя литовского (гл. 18). Глава восьмая - "О исхождении Св. Духа" - переделка восьмой главы

Азариевой веры или переложение Просветителя литовского (гл. 19). Глава девятая - "Ответы досадителем и грубителем противным Божеству Христову" - переложение шестой главы Азариевой веры или Просветителя литовского (гл. 20). Глава десятая - "О святых иконах, яко изначала быша" - переложение из Азариевой веры (ч. 2, с. 2-18) или Просветителя литовского (гл. 2). Глава одиннадцатая - "О том, когда и в какое время от самех христиан иконоборство возстало" - переложение из Азариевой веры (ч. 2, с. 31-36) или Просветителя литовского (гл. 3). Глава двенадцатая - "Иконоборцом на противныя их речи наш ОТВѢТ" - переложение из Азариевой веры (ч. 2, с. 36 - 43). Глава тринадцатая - "О кресте, видимом знамени сына человеческого" - переложение из Азариевой веры (ч. 2, с. 44-65) или Просветителя литовского (гл. 4). Глава четырнадцатая - "О кресте, чего ради знаменуем лицо свое крестообразно" - переложение из Азариевой веры (ч. 2, с. 66-74) или Просветителя литовского (гл. 6). Глава пятнадцатая - "О хождении со кресты" - переложение из Азариевой веры (ч. 2, с. 82-90) или Просветителя литовского (гл. 7). Глава шестнадцатая - "О святом посте" - переложение из Азариевой веры (ч. 2, с. 146-163) или Просветителя литовского (гл. 10). Глава семнадцатая - "О пречистом теле и крови Христовой" - из Просветителя литовского (гл. 12). Глава восемнадцатая - "О исповедании грехов в церкви пред священники" - из Просветителя литовского (гл. 11). Глава девятнадцатая - "Ответ ко арианам на противныя их речи о пречистой Богородице" - из Просветителя литовского (гл. 22). Глава двадцатая - "Родословие святыя Богородицы" - из Просветителя литовского (гл. 23). Глава двадцать первая - "О похвале и чести святых Божиих угодник" - из Просветителя литовского (гл. 8). Глава двадцать вторая - "О молитве святых" - из Просветителя литовского (гл. 9). Глава двадцать третья - "О отшедших света сего, иже о них памяти творити" - из Азариевой веры (ч. 2, с. 106-113) или Просветителя литовского (гл. 13). Глава двадцать четвертая - "О понурении новокрещенцев" - из Азариевой веры, глава седьмая или Просветителя литовского (гл. 21). Глава двадцать пятая - "О римском отпадении" - из Просветителя литовского (гл. 24). Глава двадцать шестая - "О латынских ересех" - из Просветителя литовского (гл. 25). Глава двадцать седьмая - "Ереси римския, яже прияша от мелхисидикиян и жидов и армен" - из Потребника, напечатанного в Москве в 1639 году, и содержит извлечение из деяний собора 1620 года при патриархе Филарете. Глава двадцать восьмая - "О несогласии еретиков и их различных сопротивных ересех" - откуда взята эта глава, занимающая один только лист, мне неизвестно. Глава двадцать девятая - "О Лютере и его ереси" - из Просветителя литовского (гл.28). Глава тридцатая - "О армейской ереси" - из Просветителя литовского (гл. 29). Глава тридцать первая - "О посте армейском арцыурцовь, о Лине, учителе армейском, о армейском дыбании, сиречь причастии" - из наших старинных сборников. Глава тридцать вторая - "Прение святого Илариона, епископа меглинского, с манихеи" - из Просветителя литовского (л. 309 об.). Глава тридцать третья - "Прение святого Илариона со армены" - из Просветителя литовского (л. 315). Глава тридцать четвертая - "О опресноках и о агнце" - дословное заимствование из книги священника Василия Острожского "О единой истинной православной вере и о святой соборной апостольской церкви, откуда начало приняла и како повсюду распрострися" (по рукописи нашей академической библиотеки №232, л. 319-373). Глава тридцать пятая: "О пременении дней и праздников" - из того же сочинения Василия Острожского (л. 397-482).

Глава тридцать шестая - "Преподобнаго Максима грека слово на латинов", находится и в Азариевой вере (ч. 2, с. 184 до конца книги). Главы тридцать седьмая до сорок шестой включительно, содержащие в себе послания александрийского патриарха Мелетия, послания Константина Острожского, послание иноков горы Афонской, составляют переложение книжки, напечатанной в Остроге в 1598 году (см.: В. М. Ундольский. Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871, № 137, стб. 22), под заглавием "Мелетия патриарха александрийского послания (числом 10) к неунитам". В этой же книжке напечатаны и послания Константина Острожского и послание иноков горы Афонской. Из приведенного сличения Кирилловой книги оказывается, что она, за самыми незначительными исключениями, представляет из себя простой свод из разных южнорусских сочинений, и потому составители ее говорят несправедливо, что будто бы она "учинена от различных святых отец"; в действительности этими святыми отцами были южнорусские ученые. Что же касается того, насколько и как московские собиратели Кирилловой книги воспользовались южнорусскими произведениями, что в них они переделали, насколько внесли в них своего, ответом на это служит следующее произведенное нами дословное сличение: первая часть Кирилловой книги, носящая заглавие "Книга иже во святых отца нашего Кирилла архиепископа иеросалимского на осмый век", есть простое, без всяких перемен переложение на великорусское наречие книги Стефана Зизания "Казанье св. Кирилла патриарха александрийского о антихристе". Дословное сличение первой главы Кирилловой книги "О святей Троице" с Азариевой верой показывает, что и тут имело место простое, без всяких перемен, переложение, исключая незначительных выпусков из Азариевой веры, именно выпущено из Азариевой веры начиная с 6 страницы до середины 9-й (Кир. кн. л. 85 об.); с конца 9 с. до середины 11 и потом выпущены страницы 26 - 29 (Кир. кн. л.93). Кроме того, в Кирилловой книге, в конце первой главы, помещен маленький трактатец "Толкование како явися Бог Аврааму в троице" (л. 94 об.-97), которого вовсе нет в Азариевой вере. Главы Кирилловой книги вторая, третья, шестая и седьмая представляют из себя дословное переложение соответствующих глав Азариевой веры, даже без всяких пропусков. Восьмая глава Кирилловой книги "О исхождении Св. Духа" сравнительно с очень обширной главой об этом Азариевой веры сильно сокращена и значительно, после сходного начала, переделана. Глава 9 Кир. кн. и 6 гл. Азар. веры сходны дословно. Гл. 10 Кир. кн., соответствующая трактату Азариевой веры (ч. 2) "Об образех", имеет не то начало (которое сходно с Просветителем литовским), но потом с двумя незначительными пропусками, идет буквально сходно до л. 153 Кир. кн. и до с. 18 (ч. 2) Азариевой веры. Последующие страницы (19-30) этого трактата Азариевой веры не вошли в Кириллову книгу, а заменены были в ней (л. 153 - 159) трактатом, взятым из вышеупомянутого сборника "Изложение на Лютеры", гл. 19, л. 105 (по рукописи нашей академической библиотеки). Главы Кирилловой книги одиннадцатая, двенадцатая и тринадцатая буквально сходны с Азариевой верой. Начальных слов четырнадцатой главы (о крестном знаменнии) Кирилловой книги: "во истину не презре нас Господь своим милосердием, но и паче и помилова и призре на нас своею милостию с высоты святыя своя и подаде нам имя ново, еже зватися христианы" - нет в Азариевой вере (нет этого и в Просветителе литовском). Но далее идет буквально сходно с Азариевой верой, кроме вставки в

Кирилловой книге в учении о перстосложении следующих слов: "той же средний великий перст мало преклонити, исповедуется тайна, еже есть Сын Божий преклонь небеса и сниде на землю и бысть человек нашего ради спасения" (л. 180); затем в Кирилловой книге (л. 180 об.), сравнительно с Азариевой верой, встречается новая вставка, именно: приводится известное слово о крестном знамении блаженного Феодорита, которого нет в Азариевой вере. Далее следует опять дословная выписка из Книги о вере до 74 страницы этой книги. Конец этого трактата в Книге о вере (с. 74-81) вовсе не вошел в Кириллову книгу, где помещены известное сказание о чуде святого Мелетия и слово о крестном знамении Максима Грека (сл. 183-185), вовсе не имеющиеся в Книге о вере. Главы Кирилловой книги пятнадцатая и шестнадцатая буквально сходны с Книгой о вере, только имеющийся в последней трактат в конце 16 главы о субботнем посте и о папе (ч. 2, с. 163-181) вовсе не вошел в Кириллову книгу. Глава 24 Кир. кн. и 7 гл. Книги о вере сходны буквально. Точно так же две обширные главы Кирилловой книги 34 - "о опресноках и агньце" и 35 - "о применении дней и праздников" представляют из себя дословное переложение из указанного выше сочинения священника Василия Острожского. То же нужно сказать и о характере всех других указанных выше заимствований из южнорусских сочинений.

Другой замечательной книгой, напечатанной при патриархе Иосифе в 1648 году по его "совету и благословению" и тоже пользующейся доселе особым уважением наших старообрядцев, была Книга о вере, которая есть уже прямо чисто южнорусское произведение, только переведенное с белорусского наречия на великорусское и в Москве напечатанное. Автором Книги о вере был Нафанаил, игумен киевского Михайловского монастыря, а напечатана она была, по свидетельству дьякона Федора, "тщательством царского духовника протопопа Стефана Вонифатьевича"*. Составлена была Книга о вере еще в 1644 году, как это видно из свидетельства Медведева**, подтверждаемого существованием этой книги в рукописи, относящейся к 1644 году***.

* Дьякон Федор говорит: "Книга о вере правой, в нейже о истинном Дуст, особная глава... и сия Книга о вере правой писана некоим игуменом Нафанаилом благочестивым Михаиловскаго (киевского) монастыря на униятское отступление и на Москве в печать издана повелением царевым и тщательством благаго духовника его Стефана Вонифантьевича, благовещенскаго нашего протопопа, во время благочестивое и тихое" *Материалы по истории раскола за первое время его существования. 1881, т. 6, с. 143.*

** С. Медведев. *Оглавление книг, кто их сложил // Чтения в Обществе истории и древностей российских.* , 1846, кн. 3, отд. 4.

*** А. Попов. *Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова, 1872, № 90.*

В 1648 году в Москве напечатана была славянская грамматика известного Мелетия Смотрицкого*, причем в Москве ей предпослано было обширное и очень важное по своему содержанию введение, о котором мы скажем в другом месте. В 1649 году в Москве "ради учения и ведения всем православным христианам наипаче детям учащимся, по повелению государя... и по благословению великого господина святейшего Иосифа патриарха московская и всея Руси" напечатан был так называемый Малый Катихизис, который есть не что иное, как простая перепечатка Краткого Катихизиса Петра Могилы, напечатанного в киево-печерской типографии в 1645 году**.

* Грамматика славянская Мелетия Смотрицкого была напечатана в первый раз в Евю, в 1618 году, и затем снова была напечатана тоже в Евю и в Вильне в 1619 году В. М. Ундольский. Очерк славяно-русской библиографии., 1871, № 222, 225, 226, стб. 32-33.

** Малый Катихизис Петра Могилы, напечатанный в Киеве в 1645 году, носит заглавие: "Собрание короткой науки о артикулах веры православно-кафолической христианской". В нем (с. 25-26) учение о крестном знамении изложено так: "Пытанье: яким способом знак креста святого на себе класти маем? Отповедь: рукою правою три палци зложивши, знак креста святого зачинай на челе, а кладучи мови: во имя Отца; потом тыиж палцы на перси мовячи: и Сына; потом на правое раме кладучи, мове: и Духа; потом на левое раме кладучи, мове: Святого; кладучи на себе крестное знамение мове: Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй мя грешнаго, кончати тым словом - аминь". Между тем в Московском Катихизисе учение о перстосложении изложено (л. 16 об. и 17) так: "Совокупити три персты правыя руки (сиречь великаго и малаго и третьего, что подле малаго); в них же исповедуем таинство божественную триех ипостасей: Отца и Сына и Святого Духа, единаго Бога в триех лицах. Два же перста (вышний и средний) протянути и сим показуем тайну самого Господа нашего Иисуса Христа, яко совершен Бог и совершен человек бысть нашего ради спасения. И тако, сложивши персты, полагаем первое руку на чело..." и т.д. Это учение о перстосложении в катихизисе 1648 года изложено не по катихизису Петра Могилы, а по Книге о вере, напечатанной в Москве 1648 года (в 9 главе).

В 1649 - 1650 годах была в первый раз напечатана в Москве Кормчая книга. 51-я глава в этой книге, носящая надписание "о тайне супружества си есть законнаго брака", - глава очень важная по своему значению и во все последующее время, была внесена сюда, с небольшими изменениями, из большого Требника Петра Могилы, а им она была заимствована из католических требников*. При исправлении наших церковно-учительных книг в конце патриаршества Иосифа наши книжные справщики, по их собственным заявлениям, уже справлялись и с изданиями южнорусскими. Так, в послесловии учительного Евангелия, изданного в Москве в 1652 г. по благословению патриарха Иосифа, справщики заявляют: "К сему же да не усумнишися, православный читателю, егда обрящеши в святвй книзе сей исправления (против прежних изданий московских) речений, в клонениях изменена и другая таковая и возмнитися нова быти и

самосмышлена, но несть сице: понеже за их же святителским благословением, со многих переводов свидетельствованне исправлена суть; переводы же собраны быша, един святых соборных великих церкви пресвятыя Богородицы Успения, и другой Чудова монастыря и чудотворца Алексия, и два Симонова монастыря, древних писм, к сим же *ин Острожския печати*"**.

* См. об этой книге свящ. М. Горчакова "О тайне супружества". СПб., 1880 г.

** Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке московского купца И.Н. Царского / Изд. П. Строева., 1836, № 176.

Вслед за южнорусскими книгами в Москву начинают при патриархе Иосифе перебираться и самые ученые киевляне. Еще в 1640 году киевский митрополит Петр Могила присылал в Москву своего наместника Игнатия Оксеновича Старушича*, который, между прочим, от имени Могилы предлагал устроить в Москве монастырь, населить его учеными киевскими монахами и открыть при нем школу. Это предложение Могилы, не принятое в то время, было потом осуществлено, с разрешения царя и по благословию патриарха Иосифа, известным ревнителем просвещения Феодором Ртищевым. Последний, как говорит его житие**, имел особую любовь к Киево-Печерской лавре, которой он давал "милостыню не малу", а это, конечно, привело его к сближению с учеными киевскими монахами. В этом же смысле мог влиять на Ртищева его родной дядя Спиридон Потемкин, человек образованный, знавший хорошо греческий и латинский языки, постоянно сидевший над книгами и вступавший в состязания с латинами и униатами. Свою любовь к науке и к людям ученым Потемкин мог передать и своему племяннику***. Как бы то ни было, только с благословения патриарха Иосифа Ртищев устроил близ Москвы известный Андреевский монастырь, куда поселил из киевской лавры и других южнорусских монастырей до тридцати иноков, "в житии и чине и во чтении и пении церковном и келейном правиле изрядных". Между этими иноками, конечно, находились и лица ученые, с которыми охотно беседовал и занимался в свободное от служебных занятий время сам Ртищев****. Житие говорит даже, что будто бы и ученого Епифания "из святых лавры печерския" вызвал Ртищев*****.

* О нем см.: архим. Филарет. Обзор русской духовной литературы., 1859, № 174.

** Древняя российская вивлиофика., 1791, ч. XVIII.

*** Сведения о Потемкине сообщает дьяк Федор: Материалы по истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина., 1881, т. 6.

**** Впрочем, Андреевское братство не оставило после себя каких-либо заметных в нашей литературе следов. Оно не пользовалось и хорошей репутацией у москвичей. В 1669 году власти построенного Никоном Иверского монастыря обращаются к чудовскому архимандриту Иоакиму с просьбой, чтобы он не переводил к ним в Иверский монастырь

бывшего игумена Андреевского монастыря Петрония, потому что, говорят они, "Петроний человек крамолистой, своеобычной и необщежителной: как и прежь сего был в Андреевском монастыре игуменом, и он всю братию бунтовал и всякие крамолы чинил... И прежь которые у нас в Иверском монастыре были Андреевского монастыря старцы, и они за смуту и за бунтовство высланы из монастыря вон; и ныне того ж Андреевского монастыря иеромонах Анастасий, будучи у нас, говорит и бьет челом, чтоб отнюдь тот Петроний в Иверском монастыри не был, потому что человек развратной и своеобычной" Русская историческая библиотека. СПб., 1878, т. 5, № 276, стб. 743-744. К этому присоединялось и то обстоятельство, что Никон, сделавшись патриархом, враждебно столкнулся с Ртищевым и потому не мог поддерживать внутренне разлагавшееся Андреевское братство, тем более, что он построил Иверский монастырь, который заселен был южнорусскими выходцами и заменил для них Андреевский монастырь. ***** Нужно заметить, что сведения об Епифаний в житии Ртищева не отличаются особой точностью. Житие называет Епифания иноком Печерской лавры, тогда как он был иноком киевского Братского монастыря. Житие говорит, что вызов Епифания и других ученых киевлян принадлежит Ртищеву, тогда как в действительности ученых иноков вызывал сам царь (хотя, может быть, и по рекомендации Ртищева) и вызывал только Арсения и Дамаскина, Епифаний же был послан в Москву по решению киевского митрополита и властей Братского монастыря вместо Дамаскина, а не по вызову из Москвы. Житие говорит, что Епифаний по приезде в Москву поселился в Андреевском монастыре, а потом переселился в Чудов, но подлинные документы о приезде в Москву Епифания и Арсения прямо говорят, что сначала они были поселены на большом посольском дворе, а оттуда были прямо переведены в Чудов монастырь.

После устройства около Москвы (в двух верстах), с разрешения патриарха, монастыря, населенного киевскими учеными иноками, не было уже ничего удивительного в том, что и само правительство решилось, наконец, вызвать в Москву ученых киевлян и поручить им такое важное и ответственное дело, как новый перевод Библии с греческого языка на славянский. Еще в 1648 году государь посылал в Киев инока Марка (который ранее был служилый человек; отправившись раз на богомолье в Киев, там захворал и постригся в Печерской лавре, а в 1648 году прибыл в Москву) в Печерский монастырь "до боголюбезнаго епископа Зосима", которого просил грамотой прислать в Москву Дамаскина Птицкого "для своего государева дела", но тогда "послати того старца невозможно было для монастырския потребы"*. В мае 1649 года государь снова обратился уже к киевскому митрополиту и к властям киевского Братского монастыря, чтобы присланы были в Москву старцы Арсений (Сатановский) и Дамаскин (Птицкий) для перевода Библии с греческого языка на славянский. Вследствие этой вторичной просьбы царя киевский митрополит и власти Братского монастыря послали в Москву Арсения Сатановского, а вместо Дамаскина, который был иноком Печерской лавры и потому не зависел от властей Братского монастыря, они послали в Москву ученого Епифания Славинецкого. 12 июля Арсений и Епифаний, в сопровождении старца Феодосия,

прибыли в Москву и поселены были здесь сначала в большом посольском дворе, а потом в Чудовом монастыре. Но правительство, несмотря на приезд Арсения и Епифания, все-таки решилось вызвать в Москву и Дамаскина Птицкого, тем более, что Арсений, долженствовавший переводить Библию на славянский язык с греческого, оказался совсем не знающим последнего. В марте 1650 года он просит, по особым домашним обстоятельствам, отпустить его, хотя бы на время, в Киев, причем в челобитной заявляет: "Зде аз уже мало потребный к исправлению Библии, понеже аз призван по сугубой, твоего царского пресветлаго величества, грамоте, уже инии старцы рассмотряют и труждаются, аз бо по гречески не умею". В 1650 году упомянутый выше инок Марк снова отправился в Киев и на этот раз действительно привез в Москву Дамаскина Птицкого, взятого им из Печерской лавры**.

* РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1650 г., №8.

** Там же.

Вслед за указанными учеными киевлянами в Москву стали приезжать и другие киевляне. Так, в 1652 году, еще при патриархе Иосифе, в Москву прибыли киевского Братского монастыря архимандрит Михайло "да с ним спеваки Федор Тернопольский с товарищи, одиннадцать человек". За певчими ездил в Киев путивльский соборный поп Иван, по поручению Федора Ртищева и с разрешения государя. Певчие, вызванные только на время, "пошли в Андреевский монастырь на житье", а двум певчим, Ивану Бережанскому и Михаилу Быковскому, как они сами заявляют в челобитной царю, "по твоему государству указу велено писати твое государево дело - книгу Камень" и состоять при Посольском приказе. С своей стороны, и архидиакон Михаил, по его собственному заявлению, занимался в Москве переводом книги учителя Августина, "которую велел мне переводити дьяк думный преставльшийся Михайло Юрьевич" и которую архидиакон действительно успел перевести в Москве до своего возвращения в Киев*.

* РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1652 г., № 15.

Таким образом, время патриаршества Иосифа по всей справедливости может быть рассматриваемо как время относительно усиленного киевского влияния, когда киевская ученая литература в первый раз получает у нас полное признание, так что произведения разных киевских ученых целиком начинают перепечатывать в Москве и даже иногда выдавать их здесь за произведения святых отцов; когда сами киевские ученые и частными лицами и правительством вызываются в Москву для важных ученых работ и навсегда поселяются в Москве, являются у нас первыми представителями науки и научного

образования и необходимо содействуют распространению и усилению в Москве реформационных идей.